

*BCE TAK
УМИРАЮТ?*

Издание второе, дополненное

языки славянской культуры
МОСКВА
2013

УДК 821.161.1-312.6

ББК 84-4

К 19

Кантонистова Н. С., Гринберг П. В.

Все так умирают? — 2-е изд., доп.— М.: Языки славянской культуры, 2013. — 256 с.

ISBN 978-5-9551-0665-6

Эта книга — воспоминания о моей дочери, это памятник моей родной Женечке, погибшей от лейкемии в 27 лет. Эта книга — о ее детстве, юности, о двух лютых годах болезни. Это попытка сохранить Женечку в земной жизни, не потревожив ее посмертие. Эти воспоминания адресованы тем, кто потерял единственного любимого человека, это крик и плач, это попытка войти в круг добра и понимания.

ББК 84-4

При оформлении книги использованы рисунки Жени Кантонистой и фотографии из архива автора

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0665-6

© Н. С. Кантонистова, П. В. Гринберг, 2013

© Языки славянской культуры, 2013

Содержание

<i>Анна Курт.</i> Памяти Женечки Кантонистовой	5
От авторов	10
<i>Наталья Кантонистова.</i> «Все так умирают?»	15
<i>Павел Гринберг.</i> Стихи разных лет	202
<i>Екатерина Марголис.</i> «Наше дело — дело умирания» ...	241
Приложение	247

Они будут ждать. Кажется, многие.

Почему меня? Кто я такая? Почему я в этом уверена? Почему я хочу этого? Для чего это мне нужно? — не знаю. Но знаю, что хочу быть лучше, любить сильнее. Сейчас, кажется, это главное. Главное — путь к местами едва начертанным, местами ярко обведенным идеалам. Надеюсь, что приблизительно понимаю свое назначение.

Быть лучше — это относится ко всему. Любить сильнее — это Его и Мое.

Быть лучше: стараться понимать окружающее в более близких мне проявлениях его сути и любить за это близкое. (И вот уже опять тебе ничего не хочется. Тогда надо заставлять себя.)

А надо ли?

Женечка, 10.02.1988

Памяти Женечки Кантоnistовой

Это не беллетристика, не литература. Это документ прекрасной человеческой судьбы. Или, быть может, крик. Крик боли, вопль. Сплошная, на протяжении более чем двухсот страниц взрывная волна боли, любви, отчаяния. Это книга о самых трагических и серьезных проблемах, которые рано или поздно возникают в жизни каждого.

Почему она ошеломила столь многих? Людей бывалых, видавших виды, глядевших в глаза смерти не раз и в упор — смерти не обычной, венчающей долгую, насыщенную жизнь, смерти детской, которую невозможно принять и оправдать. Ничем, никакими доводами и убеждениями. Даже верой. И реакция на эту книгу у всех одна — оторопь, шок. Цветаева бы сказала: ожог. Ожог боли. И вместе с тем вся книга — сплошной знак вопроса. Недаром он вынесен в заглавие. В чем же этот вопрос?

Живет в Москве девочка. С фотографии на нас глядит красивое лицо — не столько обаятельное и кокетливое, сколько одухотворенное. Почему-то особенно хороша Женя с короткой стрижкой, с полуоткрытым ртом и открытой точеной шеей (август 1998 года). Во всем облике сквозит гармония и чистота. Пролистываю одну страницу и смотрю, как с обрыва в пропасть — пропасть боли и муки. Самая значительная фотография, та же, что и на обложке, — после выхода из комы. Лицо-маска из греческой трагедии с отрешенной, нездешней улыбкой. Аллегория страдания.

Девочке дано очень многое, все то, что в привычном понимании составляет счастье: мать, любившая ее невероятной, даже чрезмерной любовью, обожавшая ее всегда — с первого до последнего вздоха, одарявшая неизменной заботой, вниманием, уважением.

О родительской любви стоит сказать особо. Все мы любим и даже очень любим своих детей. Отдаем им свое время, тревожимся, переживаем за них. Терпим их причуды, несправедливости, грубости, повальный эгоизм. И прощаем. Неустанно прощаем им все. Тут нет особой доблести, хотя подчас это нелегко. Но очень редко встретишь такой силы родительскую любовь, какая проступает сквозь жгучие строки этой книги. Я, по правде сказать, и не встречала. Любовь, гра-

ничащая с благоговением, которое мы способны испытывать лишь в отдельные минуты (чаще всего в юности) по отношению к очень значительным людям. Но и девочка эта особая — достойная восхищения и обожания.

А между тем как часто в семье люди словно специально созданы для того, чтобы мучить и терзать друг друга: дети — родителей, родители — детей, муж — жену и наоборот, а чаще всего — взаимно.

Но перед нами совсем другой вид отношений: девушка в двадцать пять лет помогает родителям. А мать просит у дочери прощения, мать, которая сделала для нее больше, чем могла, больше, чем во власти человека. На форзаце, во вступительном слове сказано: «Это — памятник моей родной Женечке, погибшей от лейкемии в 27 лет». Действительно, памятник — не только ушедшему ребенку, но и материнской любви.

Способности даны девочке тоже выше средних. Прекрасное образование, социологический факультет МГУ, блистательный профессор-руководитель, диплом, аспирантура, головокружительная карьера. В двадцать пять лет Женя получает приглашение на работу в Совет Европы. Какой стремительный разбег! И столь же внезапная остановка. Недомогание и страшный диагноз — острая лейкемия, рак крови. Говорят, удар судьбы. Удар наотмашь, сбивающий с ног, опрокидывающий наземь. А вслед за ним — два года таких страданий, о которых невозможно читать без слез.

Девочка незаурядна во многом. Ей свойственны безоглядная щедрость и умение отдавать. Очень рано проявляется ее пугающая зрелость. «В юности Женечка полюбила Гамсуну, Набокова, Бродского, Довлатова, Сашу Соколова, Гессе, Томаса Манна, Фолкнера, Зингера, Кортасара, Борхеса».

Но самое, пожалуй, прекрасное в Женечке — редкое терпение и мужество во время болезни. Откуда они у совсем еще молодой девушки — барышни, как сказали бы в прошлом, теперь уже позапрошлом веке?

Мне кажется, что такие девочки встречаются ныне только в России, где только и возможна духовная и интеллектуальная жизнь такой интенсивности. Только здесь еще существует такая глубинная, подлинная причастность поэзии, литературе, живописи, такая громадная жажда знания и созидания.

А еще Женя наделена несомненным даром слова, ей дана лапидарность и художественность характеристик и определений: «Диагноз — гарантия обретения смысла, он заключается в ценности каждого мгно-

вения» (из тезисов для конференции, посвященной времени). Может быть, это и есть один из основных уроков книги: «Неужели для того, чтобы полюбить город, надо из него уехать, чтобы начать дорожить жизнью, надо ее почти потерять, чтобы зауважать работу — получить на несколько месяцев отпуск, чтобы оценить природу — годами жить в городе...»

Ценность каждого мгновения жизни перед лицом смерти еще сильнее обнаруживает непрочность и эфемерность всякого земного благополучия. И какими мелкими кажутся в этом свете наши смехотворные амбиции, репутации, борьба самолюбий, тщеславие — вся эта шелуха и пустота нашей жизни.

Женечка уезжает на работу в Страсбург. Кто из нас не мечтал бы о таком? Однако «какое нечеловеческое одиночество поджидало тут Женечку, всегда грезившую свободой и одиночеством и всегда изнемогавшую под их тяжестью... Одиночество велико и многогранно, оно может вырастить тебя, а может и погубить, все в нем: растворение, пребывание к миру и себе, к своей глубине, отчуждение и разрыв с миром». А через несколько месяцев на нее обрушится страшная болезнь.

Последние два года ее жизни иначе как подвигом не назовешь — подвигом преодоления. Об этом невозможно писать в обычной повествовательной манере. Нарастание симптомов подобно уступам ада, медицинские процедуры — словно круги очищения: повторная химиотерапия, многочисленные пункции.

Испытание болезнью, помноженное на одиночество, выковало личность необычайной духовной силы: «в противостоянии болезни, в смертельном риске человек духовно растет и дорастает до самого себя».

В книге звучит немало упреков в адрес врачей, в особенности западных. Врачей, которые не пожалели и не пожелали дать матери надежду на то, что у дочери есть шанс на жизнь. Гастроэнтеролог спокойно бросает совсем еще юной девушке: «Вы все равно умрете». Особенно сильно это ранило там, в Европе, хотя проблема эта столь же остро стоит и здесь, в России.

Для лечащего врача-гематолога больная — лишь статистическая единица. «А как хотелось верить ему, благословлять его, пренебрегать его амбициозностью, враждебностью, уклончивостью...» Но, пожалуй, самый горький и справедливый упрек в адрес врачей состоит в том, что они не сделали всего возможного, не захотели выписать доноров костного мозга, хотя они были, и трансплантация могла спасти жизнь девушки. И в довершении всего они избегали общения с родителями.

Вся книга пронизана, напоена нежностью, иногда обескураживающей, настолько все это лично, для себя и для дочери, не для читательских глаз. Мать мечется, не знает, как унять боль, о чем молиться, она готова просить о смерти, чтобы заглушить боль и быть рядом с дочерью. Об этом невозможно читать и невозможно говорить. Последние два года она буквально пронесла дочь на руках, дважды готова была уйти вместе с ней. Какие нечеловеческие драмы разворачиваются рядом с нами, а как мы живем на их фоне?

Мне хотелось бы поцеловать эти исстрадавшиеся материнские руки и повторить то, что иногда западает в память прочнее и сильнее всего на свете, что написал однажды в сугубо личном письме к жене Мандельштам: «Любимого никто отнять не может». Мне хотелось бы хоть как-то, пусть неумело и выспренно, выразить всеобщее сострадание к обеим героям. Всех, кому я рассказываю об этой книге и кто рассказал мне о ней. И еще мне хотелось бы написать Реквием. Реквием по всем страдающим и умирающим детям.

Первый, обычный и, в общем-то, здравый вопрос нерелигиозных людей: «Почему страдают и умирают дети? Бог не может допустить страдания невинных и безгрешных».

Наш опыт, вторя самым глубоким богословам, неустанно свидетельствует о том, что между миром и Богом лежит пропасть, что Бог вторгается в этот мир лишь Духом Святым, лишь потоками благодати и проявляется в творчестве и добре. Что тайна зла и страдания лежит в свободе, которую Бог даровал миру, и что доподлинно, реально и явственно существует метафизическое зло, которое мы так часто склонны недооценивать.

В земном плане, на поверхности вещей кажется, что перед этим злом мы бессильны. Мы болеем и умираем так же, как повелось с отпадения. Но между нами и смертью стоит распятый Бог, даже если мы об этом не знаем. Тот, Кто однажды и до конца времен заслонил нас от смерти, взял ее на себя и непреложно обещал воскресение. И только это дает нам силу и мужество выдержать все, что выпадает на нашу долю.

Когда мать переживает *такое*, ей невозможно жить дальше. А жить надо — из последних сил, скрепя сердце, уповая на грядущую встречу, которая затмит, как солнце, все временные, земные разлуки.

Памяти Жени Кантонистовой

Снова тень выкликаю оттуда,
Где последний повергнется враг,
И мелькает надежда на чудо
Или просто спасения знак.

Собиравшая в детстве камеи,
Что тебе испытать довелось?
Даже словом коснуться не смею
Истонченного нимба волос.

Эти веки рассохлись от соли,
И откуда-то сбоку ползла
Лава ужаса, страха и боли
Из вулкана безликого зла.

И на узеньком этом запястье
Посреди лиловеющих вен
Рвутся узы людского участья,
Ничего не оставив взамен.

Входит Вечность в больничные двери,
И Распятие темнеет в окне,
Упраздняя все споры о вере
И в церковной ограде, и вне.

Снова время больное измерьте
И ловите устами детей
Ослепительный образ бессмертья,
Восстающий из гула Страстей.

Анна Курт

От авторов

Женечка Кантонистова родилась 1 июня 1972 года в Москве. В 1989 году закончила школу № 64 (1284) с углубленным изучением английского языка. В том же году поступила на социологический факультет МГУ.

В 1994 году Женечка поступила в очную аспирантуру социологического факультета на своей родной кафедре «История и теория социологии».

Женечку, несомненно, привлекало аналитическое направление в науке. Обладая прекрасной эрудицией и памятью, умением мыслить последовательно и корректно, она из сопоставления различных мнений и подходов извлекала много нового и неожиданного, умела донести свою мысль до читателя во всей полноте и убедительности.

С марта 1994 по февраль 1997 года Женечка работала в Агентстве международного развития США специалистом проекта неправительственных организаций, куда была отобрана по результатам собеседования. Быстрый служебный рост в Агентстве, высокая оценка коллег, благодарственный сертификат, полученный из рук посла США в России — все это свидетельства высокой квалификации Женечки. В октябре-ноябре 1996 года Женечкой была предпринята поездка в США, целью которой явился сбор литературы, недоступной в России, но необходимой для продолжения работы над диссертацией в соответствии с теми высокими стандартами, которые Женечка считала для себя обязательными.

Нежная и хрупкая, прелестная, безоглядно смелая, Женечка всегда брала на себя весь груз ответственности и в личных, и в профессиональных делах, с неизменным мужеством всегда сама принимала важные решения. Со всеми и во всем была абсолютно, нестибаючи честна.

Женечка была гармоничным и поразительно искренним человеком. Все настоящее всегда привлекало ее. Женечка прекрасно разбиралась в искусстве. Как потрясающее личное событие, радующее или ранящее, переживала встречу с красотой — в живописи, музыке, книгах, кино, живой жизни. Умела быть заразительно веселой, удивляя и очаровывая всех своим громким и чудным смехом, и всегда — не-